

Галина Литвинова

КУЛАК

Галина Литвинова

Кулак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69224698

SelfPub; 2023

Аннотация

Смена поколений, войны, революция, НЭП, сталинские репрессии и Советский Союз... Все это переплелось в жизненной эпопее «бывшего кулака». Эту книгу, основанную на реальных событиях и воспоминаниях людей, сосланных в таежную глухомань в 30-е годы, я посвящаю своему деду – простому человеку высокой духовной закалки, не потерявшего себя под ударами непростой судьбы. Жизнь Федора Шергина, как неотъемлемая часть истории его поколения: истории неоднозначной, необъяснимой и жестокой...

Содержание

Глава 1	9
Двинская земля – поморье	9
Глава 2	12
От Поморья до ворот сибирских	12
Глава 3	20
Евреи, Польша и Сибирь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Галина Литвинова

Кулак

Каждый человек есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает; под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история.

– Генрих Гейне

Предисловие

Кто я? Как много стало сейчас Иванов, родства не помнящих... Как все разобщеннее мы становимся и отдаляемся друг от друга: родственные связи становятся с каждым поколением все более размытыми. Где они – наши корни? Откуда во мне с детства эта настороженность к миру? Этот страх перед неизвестностью... И где-то на интуитивном уровне распознавание опасности при первом быстром взгляде на человека. А эта раздражающая черта деликатности, которую многие воспринимают как слабость?..

Сохранились еще кое-где семейные кланы, поколения которых веками жили и живут в одном месте. У них общий язык, свои традиции и память о предках до седьмого колена. Но как понять, кто ты, если твои прародители были разбросаны по всему свету: переселялись, ссылались, терялись...

Откуда в одних укоренённая черта угодничества и низко-

поклонства, а у других вечная потребность поиска истины, внутренний протест и вечные сомнения? Откуда это анахроничное самопожертвование в угоду тех, кто этого совсем не заслуживает? Принимая твои жертвы, как должное, они, в конце концов, втаптывают тебя в грязь при каждом удобном случае.

И эта вечная привычка не жить, а выживать?.. И не хватает честолюбия; и слишком занижена самооценка; и нет стремления выделиться.

А, может, первопричина в том, что в нас – уже далеких потомках «врагов народа» – до сих пор бродит в венах кровь, отравленная страхами потерь и унижений? Потому так и осталось в подсознании на геномном уровне: иметь много – опасно; быть открытым – пагубно; выделяться в массе – чревато!.. Будешь выделяться, – заметят, отнимут, накажут... Эту невеселую истину 30-х годов мои предки надежно усвоили!

Кто он – мой дед с материнской линии, которого я почти не помню? Конечно, в моем генетическом коде много чего намешано. Но мне особенно интересна судьба Федора Спиридоновича Шергина. Я рассматриваю старые немногочисленные черно-белые фотографии юного, зрелого и старого человека и понимаю, как мы на него похожи: я и мои сыновья.

Сколько мне тогда было? Года четыре, наверное... Темный бревенчатый дом, седой коренастый старик с оклади-

стой бородой, сухонькая громкоголосая бабушка и комната, в которой стоят бочки с медом и огромная емкость с каким-то агрегатом наверху. Скорее всего, это была медогонка.

Дедушка сидит на низенькой скамейке и срезает с пчелиных рамок медовые соты. Мы с братом стоим рядом: у каждого в руках солнечный липкий кубик, переполненный прозрачным ароматным эликсиром. Пока я раздумываю, что с этим делать, Минька уже жует мед вместе с воском и пытается проглотить. Хорошо, что мама вовремя замечает и объясняет, как это едят. Городскими мы были детьми, и мед раньше видели только в банках. А к дедушке с бабушкой приехали в гости.

Запомнилась чистая горница с деревянными некрашеными полами, застеленными домоткаными полосатыми ковриками, и большой ткацкий станок с незаконченной яркой дорожкой. Я разглядываю это странное сооружение, а бабушка усаживается на табуретку и показывает, как станок работает. В одной руке у нее дощечка, с накрученными на нее узкими ленточками из ткани... Я, конечно, тогда мало что поняла. Но очень понравился сам процесс. Под бабушкиными проворными руками дорожка становилась все длиннее и длиннее; светлые полосы перемежались с пестренькими, однотонными, яркими, цветастыми. Словом, это было удивительно!

Потом я заметила на столе рядом со стопкой выстиранного белья большую скалку. Дома у нас хранилась похожая,

но не такая огромная, как эта. Непонятно было, зачем скалка лежит рядом с бельем. Но еще более странным показался старый деревянный ребристый брусок с ручкой, притулившийся к скалке. В ответ на мои расспросы мама позвала бабушку. Та взяла выстиранное льняное полотенце, намотала его на скалку, затем взяла рубель (так, оказывается, назывался этот непонятный брусок) и положила его поперек скалки ребристой стороной вниз. И несколько раз прокатила этой деревяшкой по скалке. Я замороженно следила за всеми этими манипуляциями. Даже сама захотела попробовать, но и рубель оказался слишком тяжел, да и силенок нажимать на него явно не хватало.

Уже в 70-х годах я увидела такой рубель в музее. Экскурсовод поведала, что такой способ глажки был до 30-х годов. Позвольте усомниться!.. В гостях-то мы были в августе 1957 года.

Совсем рядом с дедушкиным домом текла необыкновенно извилистая быстрая речка. Помню, что проснувшись рано утром, я спустилась по пологой песчаной дорожке к берегу и замороженно смотрела на прозрачную, бурлящую у валунов воду. Она была настолько прозрачной, что на дне, покрытом разномастными камнями, сосновыми иглами и веточками, можно было разглядеть цветные вкрапления на мелких камушках. Между камней сустились юркие рыбешки. В солнечных лучах их серебристые спинки отсвечивали зеркальными бликами. А на другом берегу за грудой наваленных

камней темной стеной отражались в воде вершины огромных елей. Возможно, что все это мне только представлялось огромным: в детстве и деревья кажутся больше, и реки глубже, и цвета ярче...

Года через два – уже во Льгове – в канун Нового года, когда мы копошились с братом в недолговечном снегу возле дома, отец на санках привез тяжелую железную посудину с крышкой и нечто, укутанное в яркое полосатое полотно. В посудине был мед: белоснежный, засахарившийся, с застрявшей в нем старой алюминиевой ложкой. А в цветистом свертке оказалась большая стеклянная бутылка с узким горлышком, тоже наполненная белым устоявшимся медом, и письмо. Я тогда еще подумала: «Как же мы будем доставать мед из такого маленького горлышка?» Но когда родители прочитали письмо, отец оделся, подхватил бутылку подмышку и ушел. А полотно оказалось новеньким ярким длинным половичком, сотканным бабушкой на том самом самодельном ткацком станке. Мама тогда сказала, что эти гостинцы приехали от бабушки на поезде.

Вот и все мои детские воспоминания. Деда я больше никогда не видела. Он скончался через три месяца после нашего отъезда. Не существовало тогда в обиходе слова «инфаркт».

– Разрыв сердца! – так называли простые советские граждане этот смертельный приступ. Разрыв сердца!.. Сколько страданий и лишений пришлось пережить Федору Спиридоновичу! А вместе с ним его жене и детям.

Глава 1

Двинская земля – поморье

Двинская земля, Заволочье: так называли Поморье древние славяне. Чудь и печера, ямь и угра, мордва и меря: они первыми внесли генетический вклад в антропологический поморский тип. Позже подмешали своей кровушки славяне да норвежцы-викинги. Так и получился некий славяно-финно-угорский альянс: поморы.

Поморы, москвичи, туляки, сибиряки – данные этнонимы происходят от названия местностей, где эти люди проживают (проживали). Так что поморы стали так называться из-за территории Поморских берегов, а, точнее, – побережья Белого и Баренцева морей.

Одним словом, поморы – потомки древнейших русских поселенцев, которые с XII века начали осваивать побережье Белого моря. Их можно отнести к субэтносу русского народа, общине, сословию со своими правилами жизни, традициями и религией. Подобными субэтносами являются, например, казаки и старообрядцы. Поморы – это, как казаки среди русских или нагайбаки среди татар. В общем, поморы, как бы, народ в народе со своей самобытностью и укладом.

Поскольку чаще всего фамилии происходили от прозвищ,

то самого древнего нашего предка, очевидно, звали Шерга, что на северорусском диалекте означает стружки или сор. Скорее всего, был тот Шерга древесных дел умельцем: плотником, корабельным мастером, судостроителем...

Хотя, быть может, все дело в славянских суевериях: такие неприглядные прозвища давали своим отпрыскам родители, дабы запутать злые силы. Чего стоят древнерусские обманные имена: Дурыня и Злоба, Гнида, Грязнуша или Бреха! Возможно, назвав ребенка Шергой, родители были уверены, что нечистая сила вряд ли обратит внимание на какие-то «опилки»... Дальше известная история: на рубеже XVI-XVII веков к прозвищам добавились суффиксы «ов», «ев», «ин». Так и стали наши предки Шергиными.

Трудились поморы на берегах бескрайних морей; рожали в огромных количествах детей, из которых многие не выживали в суровых условиях; занимались охотой, рыболовством да заготовкой пушнины. Да еще торговали с западными странами через порты Архангельска. И вряд ли собирались они переселяться в неведомые земли: Сибирь или Урал. Тем более что были они людьми относительно независимыми: основная часть населения относилась к черносошным свободным крестьянам. Не существовало в тех краях крепостного права, как это было в Московии!

Если заглянуть назад и погрузиться в пучину исторических фактов, то суровым поморам нужно поставить в заслугу факт государственной важности. Обживая Северные земли,

они делали их русскими. Язык у поморов был русский с характерным диалектом и оригинальным налеганием на букву «О». То есть, они «окали». Все Шергины – родственники, проживающие ныне в Пермских краях, – да и вологжане до сих пор замечательно окают. Матушка моя тоже всю жизнь «окала», хотя много лет проработала учителем в краях, где разговаривали на классическом русском языке.

– ХОрОшО-тО как! – одно из любимых маминых восклицаний.

Если поначалу поморами называли русских поселенцев, проживающих у самых берегов Белого моря, то спустя пару столетий поморский этнос распространился дальше, охватив юг и восток западного Беломорья. Это произошло уже после того, как в XII веке Великий Новгород присвоил себе эти богатые «ничейные» земли. А когда в 1478 году неумный собиратель земель Иван III, наконец-то, заставил Великий Новгород покориться, то все поморские земли вошли в состав государства Московского. Именно с этого времени наши северные предки обрели обязанность жить по законам российской империи. Поморье, Беломорье, Русский Север – сейчас это исторические синонимы обширной территории от Карелии до Северного Урала.

Глава 2

От Поморья до ворот сибирских

Существовало когда-то Сибирское ханство: государство феодального строя, некий остаток распавшейся Золотой Орды. Сосуществовали с ним земля Пермская и ханство Казахское. И почти не было в том ханстве русских, а проживали татары, буряты, телеуты и прочие представители тюркских народов.

Если поначалу хан Кучум – властелин земель сибирских – исправно платил Руси дань, то позже стал совершать набеги на приграничные поселения. А в земле Пермской находились огромные владения Григория Строганова, жалованные ему самим Иваном Грозным. Дабы защитить свою вотчину от дерзких набегов Кучума, собрали братья Строгановы отряд из волжских казаков во главе с Ермаком без всякого на то согласия царских властей.

Не буду вдаваться в подробности: история давняя, и очень неоднозначная, впрочем, как и многие другие древние истории. В конце концов, разгромил Ермак кучумскую рать. И помчался посланник к Ивану Грозному с письмом о победоносном завоевании Сибири. Хоть и гневался великий князь московский, но простил непослушание казачье. Да и не толь-

ко простил, но и щедро одарил и казаков, и Строгановых.

Ермак легко расправился с ханским правлением, но не смог удержать в своей власти необъятную Сибирь: почил смертью храбрых на дне Иртыша во время очередной битвы с остатками войск Кучума. Якобы ему – раненому – помешали выплыть драгоценные доспехи: тот самый царский дар за покорение Сибири. Одна из легенд, конечно!..

Даже не подозревал тогда Ермак, что он, оказывается, «прорубил окно» в Сибирь. Слухи о невероятных богатых краях с девственными лесами и реками, обширными пахотными землями разошлись по всему Московскому государству. И первыми ринулись в Сибирь казачьи отряды. В 1586 году ими был основан город Тобольск – сибирская русская столица. А следом возникли Тюмень и Сургут, Курган, Томск и Нарым...

Вслед за казаками, начиная с середины XVI века, началось массовое переселение крестьян с берегов Дона и поморов, проживающих на берегах Северной Двины: из Архангельского, Вологодского и Холмогорского уездов. Если вначале – еще до похода Ермака – в Сибирское ханство отправлялись одиночные переселенцы: купцы, старообрядцы и другие неугодные русскому государю личности, то после свержения Кучума началась массовая миграция. Казаки и крестьяне, стрельцы и бродяги, беглые и каторжане, служивые и прочие государевы люди – все они ринулись в Сибирь в поисках лучшей доли.

Особенно усилилась миграция с Поморья после 1703 года: тогда Петром Первым был основан город Санкт-Петербург. И приобрел он статус мощного конкурента Архангельским портам. Морской путь из России в страны Западной Европы был теперь проложен через Кронштадт, что стало губительным для уроженцев Русского Севера: торговцев, промысловиков и крестьян.

С большой вероятностью можно сказать, что наши Шергины переселились с берегов Северной Двины, которая протекает ныне по вологодским и архангельским местам. Фамилия Шергин наиболее распространена именно в этих местах. Кстати, в устье этой реки находится и Великий Устюг. Когда конкретно переселился мой пра-пра-пра... помор Шергин в Курганский уезд Тобольской губернии, точно уже не узнать.

Но, если судить по тому, что Шадринск и Барневская слобода были основаны в 1662 году; а чуть позднее Шадринск назывался Архангельским, то наверняка с того времени и появился наш первый предок на этих землях. Облюбовал он живописные извивы речушки Барневы: малого притока Исети, которая, в свою очередь, впадала в реку Тобол. Тогда в тобольских водах обитали осетры, а в реке Миасс водилась стерлядь и нельма. Но не столько рыбный промысел привлекал внимание переселенцев, сколько нетронутые плодородные земли и леса с непуганой дичью и зверьем.

По каким каналам перекочевали сюда наши предки, можно только предполагать! Возможно, они входили в катего-

рию переведенцев, которых принудительно стали переселять на сибирские окраины сразу после завоевания Сибири. Государственные мужи таким образом хотели решить продовольственные проблемы, в том числе нехватку хлеба. Потому и возникло решение: глобально развить сибирское земледелие. Тем более что инициатива сия имела не только материальное, но и политическое значение: закрепление Российской империи на завоеванных территориях.

Но принудительная эмиграция из поморских уездов оказалась малоэффективной – и переселение принудительное заменили добровольным. А, чтобы подстегнуть интерес к переселению в Предуралье и Сибирь, ввели для переведенцев льготы, ссуды, бесплатные земельные наделы и подъемные деньги; субсидировали домашним скотом и освободили на несколько лет от любых повинностей. Вот эти переведенцы и стали первыми ласточками в формировании земледельческого сибирского населения в XVII веке.

Как раз тогда и начали обустриваться крупные земледельческие поселения – слободы. Их заселяли не только переведенцы, но и люди, переселившиеся в Сибирь по своей воле, без всякой государственной поддержки.

Перекочевав на необжитые наделы, переселенцы превратились в сибирских крестьян, ремесленников, торговцев... Выходцы из Поморья и донские казаки стали пионерами не только в зарождении сибирского земледелия: из их числа образовалось сословие людей служилых (стрельцы, пушкари,

рейтары, драгуны...).

Из переселенцев формировали военные и охранные гарнизоны в слободах, городах и острогах. Многие мужчины из рода Шергиных тоже были людьми служилыми. Так, в переписной книге некоего Андрея Парфентьева от 1710 года по Барневской слободе Тобольского уезда Сибирской губернии упоминается пушкарь Родион Шергин, да брат его Емельян, записанный в солдаты, да другой его брат Иван – поп безместный... Людьми уважаемыми слыли пушкарки: и хлебное жалование получали, и дома свои имели. Пашни, покосы и промысловые угодья им выделяли. Была у них армейская служба пожизненной и передавалась по наследству. Любопытно, что пушкарями (артиллеристами) могли стать только люди свободные – не крепостные.

Благодаря миграции жителей Поморья, в Сибири очень быстро стала возрастать доля русского населения: если в середине XVII века обживали земельные наделы не более семидесяти тысяч русских переселенцев, то в начале XVIII века по переписи 1719 года их количество увеличилось в три раза (и это только лиц мужского пола). Русские стали преобладающей нацией от Урала до Сибири, которая окончательно укрепилась в границах необъятной российской империи.

№	Крестные и др. имена	Домов. и др.	Адрес		Пол	Возраст	Земля
			улица	дом			
64	Вдова Ирина Прохимова поминанца		32	28	Ж	12	магма
	дети ее Анна ..						
	Валентина ..						
65	Земля ..						
66	Марья Анна Валентина			9	Ж	22	земля
	дети их Иван ..						
67	Марья ..						
68	Марья ..						
69	Валентина Анна парасилья Валентина			1	Ж	29	земля
	дети их Петр ..						
70	Марья Ивановна Шершнев		56	31	Ж		
	дети ее парасилья Шершнев						
	дети их Анна ..			31			магма
	Валентина ..			30			
	Ирина ..			25			земля
	Меланья ..					18	
71	Анна ..						
72	Валентина Анна парасилья Валентина			11			
	дети их афанасий ..						
	дети их ..			4			
73	Анна ..					7	поле земля
74	Вера ..					2	
75	Валентина Анна дарья Иринья ..					30	земля
	дети их Иван ..			7			
	Федор ..			3			
76	Ирина ..					26	
	Иван Петров ..		50				адреса 43
77	Ирина ..					32	
	дети их Илья ..			26			
	Валентина ..			23			земля
	Петр ..			21			
78	Ирина ..					32	
79	Валентина Анна парасилья Валентина					27	магма 43
80	Ирина ..					78	
	Иван Федоров ..			41			
81	Ирина ..					32	магма
82	дети их Вера ..			16			
83	Анна ..					21	14, и
84	Анна ..					50	
85	Ирина ..					30	
86	Иван ..					23	14, и
87	Ирина ..					20	

Росписи Покровской церкви (1802 год)

А что же Шергины? Пару столетий – поколение за поколением – жили наши предки, не покидая Барневских угодий. Помногу было детей у бывших поморов. У одного только Симона – прародителя нашей ветки – его потомок Дмитрий Никонов (соцсети подарили нечаянную возможность познакомиться с дальним родственником) в 2016 году насчитал более сотни потомков мужского рода. А если приплюсовать сюда и представительниц прекрасной половины человечества! Внушительная арифметика получается!..

В чудом сохранившихся после пожара церковных росписях Покровской церкви в Барневской слободе в 1802 году исповедовался и причащался Шергин Андрей – сын Симона – в возрасте 56 лет. А с ним супруга его Параскева Тимофеевна и дети: сыновья Алексей (34 года), Дмитрий (25 лет) да дочь Меланья (18 лет). Есть в этом семейном списке еще один сын – Василий (30-ти лет). Вот именно от него и получила продолжение наша генеалогическая история: родился у него сын Федор, а у Федора – Спиридон.

Когда моему прадеду Спиридону Федоровичу было всего 6 лет, в 1858 году проводилась десятая государственная ревизия (перепись), по которой в Барневской слободе среди 67 дворов проживало шесть семейств Шергиных. В переписной ведомости числилась и единственная семья Лукиных.

Не той ли зажиточной династии Лукиных, где в следующем поколении должна была появиться на свет моя бабушка Анастасия?..

Глава 3

Евреи, Польша и Сибирь

– Ну и страна! – подумал Штирлиц. – Кругом одни «жиды»! Не о Польше ли думал легендарный киношный разведчик в старом советском анекдоте?

– Симпатичная еврейка, – сказал сослуживец моего будущего мужа, рассматривая меня на фотографии в далеком Дрездене. Но это было гораздо позже.

А раньше?.. Советские 70-ые годы... Мне – 17 лет. В преддверие ноябрьских праздников – переполненный ночной неудобный железнодорожный вокзал в областном городке. Жду поезда домой. Домой – это в очередной целинный совхоз, куда уже без меня переехали родители с младшими братьями. Сколько же их было – поселков и совхозов – за мои небольшие, в общем-то, годы! Пассажиров (большинство – студенты) так много, что притулиться к стенке и то сложно. А уж найти в ночное время свободное сидячее место на обшарпанной деревянной скамье – вообще дело безнадежное! Уже час на ногах, а ждать еще около двух... Милостивая стройная девушка недалеко от меня тоже, очевидно, давно ждет своего поезда. Без надежды оглядываю переполненные скамейки, которые забиты сидящими мамаша-

ми, спящими детьми... А, если и есть где-то свободное пространство, то причина очевидна: пьяные грязные личности, режущиеся в карты, отпугивают своим видом даже самых смелых... Это после перестройки стали пускать на вокзалы только с билетами. Но тогда, кроме пассажиров, ночевали на вокзале и студенты, опоздавшие в общежитие, и лица без определенного места жительства. Иду в другой зал. Здесь немного свободнее, а один угол завален старыми столами: похоже, в привокзальном кафе делается ремонт. Прислоняюсь к стене. Народу прибывает. Очень много спортивного вида юношей... Очевидно, курсантов высшей школы милиции тоже отпустили на праздники домой. Несколько парней стаскивают верхние столы и рассаживаются на них. Успеваю занять место на ближайшем, а рядом втискивается в свободный промежуток та самая девушка интеллигентной внешности.

Мы разговорились, – девушку звали Ядвигой. Имя показалось мне очень необычным. Она рассказала, что ее предки в 40-ые годы были депортированы из Польши в Казахстан. Но, что меня тогда озадачило, так это встречный вопрос. Ядвига спросила: «А разве ты не полька»? Когда я отрицательно покачала головой, добавила: «Очень похожа...». Тогда я не придавала этому никакого значения. Тем более, за кого меня только не принимали в молодости: грузины за грузинку, чеченцы за чеченку, татары за татарку...

Вспомнила я про этот разговор гораздо позже, когда одна-

жды матушка обмолвилась, что в ее роду когда-то была польская еврейка. Само это сочетание показалось мне каким-то надуманным. Да, и всегда мы все были русскими, а евреи – это нечто совершенно другое. Евреи польские?.. – Вообще понятие неведомое! Спустя много лет в омском краеведческом музее я совершенно случайно наткнулась на стенды о жизни польских евреев. Но как они оказались в Сибири в XVII веке? Где Польша, и где Сибирь?! Как вообще возник сам фразеологизм – польские евреи?

История завела меня в 1264 год. Тогда, благодаря инициативе князя Болеслава Благочестивого, германским евреям была дарована грамота: она гарантировала неприкосновенность личности и свободу передвижения по всей польской территории. С этого времени и стал Краков прирастать немецкими евреями, основную часть которых составляли ашкенази – субэтнос, сформировавшийся в Центральной Европе. Хотя, если судить по некоторым найденным в польских краях монетам XII века с чеканкой на иврите, евреи могли оказаться в Кракове и гораздо раньше: еще во времена первых крестовых походов. Но это уже совсем древность!.. Короче говоря, в XIII веке евреев в Польше было предостаточно!

Щедроты, дарованные Болеславом, оказались недолговечными. Уже через три года грамота князя под давлением церковного вече была дополнена ограничениями, как-то: евреи не могут расселяться на всей территории; им выделяется

только один городской квартал с единственной синагогой; на одежде иудеев должны быть знаки принадлежности к нации; они не имеют права брать в слуги христиан, а христианам запрещается покупать у иудеев продукты... Ну и так далее!.. Чего только стоит предостережение, что ранимых и нежных поляков следует заботливо оберегать от кошмарных контактов с евреями!

Лишь через столетие Казимир III расширил число привилегий для еврейского населения. Что стало поводом такой доброты, теперь можно только предполагать. Романтично настроенные историки уверяют, что причиной неожиданной благосклонности стала красавица-еврейка – одна из фавориток любвеобильного Казимира. Не простой фавориткой была еврейка Эстер: она подарила королю пятерых детей. Любопытно, что дочерей она воспитывала в традициях иудаизма. А незаконнорожденные сыновья стали прародителями известных дворянских польских династий.

Но существует и другая – более прозаическая версия. Польша перед приходом к власти Казимира находилась в упадке. Катастрофически не хватало представителей среднего класса: ремесленников и купцов, основную часть которых составляло тогда немецкое население. Краков вообще наполовину состоял из немцев. Они были монополистами в области купли-продажи и производстве насущных бытовых товаров – потому, беззастенчиво пользуясь своим положением, безмерно завышали цены и диктовали властям свои условия.

А властителям, как известно, не нравится, когда им диктуют эти самые чужие условия! Вот и Казимиру III такой расклад не нравился. Выход нашелся! – Евреи! Именно их позвал Казимир в столицу, предложив недурственные условия и уравнивая в правах с христианами.

И стал Краков очень быстро разрастаться; и появился в Кракове обширный еврейский район Казимеж. Евреи все-таки народ благородный и благодарный – вот и назвали свой район в честь Великого Казимира. Жили здесь люди по законам Талмуда, то бишь, по законам иудаизма. Очень скоро превратились евреи в конкурентов не только для немцев, но и для поляков-христиан. Неспроста же Западная Европа ранее почти изгнала евреев со своих территорий, принимая в отношении к ним жесткие законы и неподъемные налоги: слишком быстро евреи занимали прибыльные места, оттесняя местных жителей.

Позже и в Польше стали притеснять евреев, запрещая им получать многие городские профессии, но хотя бы жить в стране позволяли. Поскольку евреи весьма предприимчивые и приспособляемые личности, то они вскоре нашли еще один незанятый источник существования: посредничество. Другими словами, они заполнили недостающее связующее звено между крестьянами и горожанами; между шляхтой и, опять же, крестьянами. У сельчан евреи скупали оптом сырье и продавали с наценкой перерабатывающим предприятиям. Дальше запускался обратный процесс: скупка оптом

готовой продукции и реализация ее в розницу...

Изначально все налоги от своей деятельности евреи платили только королю. Но позднее, когда богатые шляхтичи стали сдавать состоятельным евреям свои земли в аренду, налоги с прочими сборами отправлялись теперь хозяевам этих земель. По сути, евреи превратились в самобытное феодальное сословие, но сословие зависимое. Чтобы превратить арендованные земли в доходные, евреи возводят на них гостиницы и корчмы, прокладывают дороги, осваивают новейшие методы обработки почвы, строят винокуренные и сахарные заводы, открывают фабрики по обработке кожи и льна...

Вот и получается, что везде крутятся «жиды»! Для ясно-вельможного пана не царское дело где-то крутиться: он же евреям доверил все свои дела! Простой крестьянин – он, может быть, и хотел бы что-нибудь эдакое придумать, да крепостное право не позволяет. Вот у него и заплата на заплате, и в закромах «мышь повесилась». И пить горькую как бы неразумно... Но мужик пьет! Ну и кто в этом виноват?

Ясное дело – не пан-благодетель! К тому же, и религия на пана и на мужика одна. В общем, крестьянин прозревает и постепенно превращается в антисемита. Что касается других врагов? У евреев таковых и раньше хватало! Их ненавидела католическая церковь, поскольку некоторые поляки отрекались от христианства и принимали иудаизм. Их невзлюбили, оттесненные от закромов, немцы – это им евреи «вставляли палки в колеса», занимаясь торговлей, выдавая шляхтичам

ссуды и открывая ремесленные лавки. Конкуренты-то всегда раздражают! А у евреев и маржа была малой; и цены более выгодными...

Логично предположить, что еврею когда-нибудь придется за все расплачиваться. Интересно другое!.. До евреев, сидящих на пороховой бочке, почему-то не доходит, за что многие их так ненавидят. И ненавидят-то не просто из-за каких-то религиозных предрассудков, а вполне мотивированно и обоснованно. Может быть, евреям неинтересны оценки других народов? Или им все равно, что обсуждают там мужики в кабаках; или говорят вельможные паны за ночным преферансом? А, быть может, просто евреи догадываются, кто здесь «избранники Божьи»? И вообще они само совершенство и достойны всеобщего поклонения...

Вспомним Европу... Это же благодаря ей в середине XIV века Польшу захлестнула новая мощная волна еврейской иммиграции. Тогда в просвещенной, но неумытой Европе, случилась эпидемия чумы, унесшая жизни половины населения. А в распространении страшной болезни обвинили евреев-лекарей – они якобы специально разносили заразу, чтобы выморить бедных европейцев. Франция, Швейцария, Испания, Чехия, Германия... Во всех этих странах стали безжалостно уничтожать евреев целыми кланами, а уцелевших вышвыривали из городов без шансов на выживание. Куда бежать несчастному иудею? – Только на восток в Польшу, которая относительно недавно превратилась в королевство и

благосклонно принимала евреев-переселенцев.

Увы, спустя пару столетий после изгнания евреев из Европы, в Польше стало назревать нечто подобное. И снова нелепые слухи стали тому причиной: якобы евреи причащаются кровью невинных христианских младенцев.

Но все же в Польше ситуация с евреями несколько отличалась от европейской. Во-первых, короли и государственные мужи защищали евреев: кто же захочет убивать курицу, несущую золотые яйца! Во-вторых, здесь евреи нашли ту самую посредническую нишу – западные единоверцы даже не пытались ее занять. И самое главное! В начале XVI века польские, литовские и русские евреи объединились и создали диаспору ашкенази. Расселившись в приграничных областях Западной Руси, Польши и Литвы, они образовали своеобразную страну: страну без государства! Такое обустройство существует, к примеру, у турецких курдов, у испанских басков или у молдавских цыган: своего государства у них нет, но есть территория обитания. А что такое народ без государства? Это зависимый народ! Захотят новые правители лишить определенных профессий – лишат! Захотят ограничить свободу передвижения – ограничат! Захотят изгнать со своей территории – изгонят! Что и стало происходить после объединения литовского королевства и польского княжества в единое государство под названием «Речь Посполитая».

Но самый тяжелый период для ашкенази наступил в середине XVII века во времена казацкого мятежа Богдана

Хмельницкого. «Освободительная война украинского народа» – в советских учебниках; «Казачий бунт» – в истории Польши; «Восстание малороссов» – в старинных летописях Российской империи... Все это трактовки одного исторического явления! Католики и православные, поляки и русские, шляхта и плебеи, казачество и мещанство... Все противоречия между ними вмиг взорвались, как только сборище запорожских казаков, православных фундаменталистов, крымских татар и прочих, недовольных иноземной властью, во главе с Хмельницким захватили большую часть Украины и вплотную придвинулись к границам Польши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.